В самом конце 1947 г. в издательстве Ленинградского университета вышла в свет небольшая по объему книга Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.)». В. М. Панеях писал: «сам Б. А. Романов считал эту... книгу... едва ли не лучшим своим творением и уж во всяком случае наиболее любимым и сокровенным, как никакая другая отвечающая заветам, воспринятым от великих предшественников»¹. Издание этой книги имело огромное значение как для самого Б. А. Романова, как для издавшего ее исторического факультета Ленинградского университета конца 40-х годов минувшего века, так и для всех последующих поколений историков и филологов-древников. Книга, действительно, не только не утратила своего значения, но до сих пор представляет собой образец работы с письменными источниками, работы кропотливой и вдумчивой, в итоге которой внимательный исследователь воскрешает действительные фигуры давно минувших столетий.

Несмотря на то, что, как требовалось в 1940-х, да и во многих последующих, годах, Б. А. Романов ставит своей задачей «дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе»², основная тема книги – «как люди жили на Руси в это время (и чем кто дышал, сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удастся подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться)»³.

«Пристально всмотреться» – кажется, это ключевые слова: Б. А. Романов, словно вооружившись самым современным микроскопом, препарирует тексты, извлекая по крохам из них «человеческое содержимое». Приведу пример – результат анализа Романовым «Древнейшей Русской Правды». «Если кто кого убил, мстят родственники («ближние убиенного» договоров с греками): брат, сын, отец, племянник; а нет мстителя – убивший платит по таксе (40 гривен). А затем драка. Если в кровь или до синяков, или даже без этих знаков (только докажи свидетелем), – тоже месть; только если избитый мстить не в состоянии, виновник платит тоже по таксе (три гривны). На сцене предусмотрен даже медик – “а лечю мзда”. Чем только не дерутся! В “Правде” целая кинокартина с натурой: дерутся батогами, жердью, кулаком, чашею и рогом (очевидно “в пиру”), мечом плашмя, рукоятью или всем мечом, только не вынимая его, без членовредительства; или, обнажив меч, рубят руки, ноги и калечат до “хромоты”; летят пальцы, дело доходит до усов, до бороды; бывает, вспыхнет кто, схватится за меч, даже обнажит его, но опомнится и “не тнет”, или в пылу спора “ринет” один другого, т. е. дернет на себя или оттолкнет – за все это платится по таксе, если обиженному или обидевшемуся не удалось тут же ответить тем же»⁴. А вот сцена из Жития Феодосия Печерского (Киево-Печерский патерик): «...Умер отец; его заступила мать. Мальчик пошел работать с рабами на село; мать запрещала, убеждая, что “тако ходя, укоризну себе и роду своему приносиши”, и гнала его играть со сверстниками. Тот не слушался. Мать своеручно била его, “бе бо телом крепка и сильна якоже муж”; кто не знал, что это она, слыша ее голос, был убежден, что это мужчина. Сын ушел со странниками, обещавшими “допроводити его до святых мест”. На третий день поисков, узнав, куда делся сын, мать погналась по его следам с младшим сыном и, догнав, в ярости схватила за волосы, швырнула на землю и била его ногами. В дом приведен он был связанный, точно злодей.

¹ Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 215.

² Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л., 1947. С.

5.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 144–145.

Гнев так душил ее, что, едва вошедши в дом, она принялась опять колотить сына, пока не впала в изнеможение, и заперла его связанного. Два дня он не ел ни крошинки; на третий его накормили, но, “одержима” еще гневом, мать заковала ему ноги в “железа тяжка” – “на много дней”. А когда “умилосердилась”, умоляла его не бегать от нее: оказывается, она “любяше его паче инех”⁵. Действительно, перед глазами встают не литературные персонажи – живые люди, и их поступки становятся понятны как по-человечески, так и с точки зрения «нравов»: быта и законов церковных и государственных. Сам Б. А. Романов назвал свою методику «оживления» исторических лиц «комбинацией приемов», он «взял на себя, как толмач, перевести старинные слова»⁶.

Как отметил Д. С. Лихачев, «в своей книге Б. А. использует хорошо известные источники – Русскую Правду, Моление Даниила Заточника, Кириковы Вопрошания, Поучение Владимира Мономаха, Киево-Печерский патерик, Житие Феодосия Печерского и т. д. – но он ставит этим источникам такие вопросы, которые им еще не предлагались. Б. А. использует эти памятники для воспроизведения живых, ярко расцвеченных картин домонгольской жизни»⁷. Таким образом, «ученый сочетается в Б. А. с художником»⁸.

Б. А. «вытягивает» «чем кто дышал» для самых различных социальных групп; в соответствии с социальной принадлежностью его героев названы и главы книги: «Феодальная “челядь”», «“Свободные” смерды», «Светские феодалы» и «Отцы духовные». Не менее важна и жизнь человека в семье, об этом, от рождения до брака и развода, до смерти и раздела имущества идет речь в главе «Жизнь человека». «Книга Б. А. ввела нас внутрь княжеского двора, внутрь смердьей клетки, внутрь церковного “дома”»⁹. Д. С. Лихачев писал, что книга Б. А. Романова – словно «предчувствие открытия берестяных грамот», впервые обнаруженных А. В. Арциховским в 1950 г., три года спустя после выхода книги Б. А. Романова. Б. А. Романову удалось «очеловечить» исторических героев опираясь лишь на письменные источники, причем в равной степени живыми предстают и безымянная челядь, и, склонный по Романову на компромиссы, знаменитый Мономах.

Как художник Б. А. выстроил и всю свою книгу: начинается она главой «Мизантроп XII–XIII веков», а заканчивается главой «На распутье», главный герой этих глав – Даниил Заточник, с помощью которого автор вводит читателя в эпоху. Впрочем, именно глазами Заточника зачастую смотрит автор книги и в других главах, как бы примеряя реконструированную им, историком XX века, действительность к образу средневекового русского человека. Снова трудно не обратиться к определению Д. С. Лихачева, назвавшего Заточника гидом – не уточнив, правда, гид это для Романова или для его читателя. Скорее всего, для обоих. Наиболее ярким кажется эпизод, когда Б. А. Романов рисует Заточника за чтением «Слова о полку Игореве» – ярким, во всяком случае, для филолога: литературный персонаж за чтением литературного произведения. Немаловажно и то, что у Заточника в самой структуре книги особая роль: главы, где он главный герой, опоясывают все повествование, создают своеобразную «рамку». В этом тоже видится художественная игра Б. А.: много лет спустя после выхода его книги Ю. М. Лотман подобную «рамочную» композицию называл средством риторического совмещения разным путем закодированных текстов, т. е. «рамка» отграничивает условное от реального, в нашем случае – историческое от нынешнего.¹⁰ Если книгу Б. А. Романова

⁵ Там же. С. 153.

⁶ Там же. С. 14–15.

⁷ Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 489.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 490.

¹⁰ См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 71.

рассматривать как путешествие «во тьму веков» (вероятно, он так к ней и относился: «кто чем дышал»), то у Заточника в этом путешествии не просто роль гида: это своеобразный Вергилий, сопровождавший когда-то Данте; он не просто должен показать и объяснить, но – предохранить и сохранить своего спутника.

«Научное построение, сложившееся в результате частных исследований автора, облекалось им в такую форму, чтобы читатель мог “почувствовать и понять далекую, хоть и родную ему эпоху через знакомство с ее людьми”. Вот эта двоякая задача – воздействовать и на чувства читателей, и на сферу их логического, рационального восприятия – новая для Б. А. Романова и вообще новаторская в контексте отечественной историографии. Двоякая она и по отношению к объекту изучения и изображения – человеку древней Руси, которого Б. А. Романов задумал показать не только в его бытовых, в том числе интимных, но и общественных связях и в постоянной динамике»¹¹. В этом отношении книга Б. А. Романова до сих пор остается единственной.

В отношении научного продолжения Б. А. Романова можно назвать первооткрывателем нового направления исторической и филологической науки: антропоцентрического. Выведя человека в центр своих исследований, Б. А. показал всю многосторонность изучения человеческой личности, в том числе и средневековой. В широком смысле можно сказать, что к его книге восходят многочисленные новейшие работы об «авторе в Древней Руси», «антропософии» средневековой литературы и т. п. Правда, тонкость исторического анализа Б. А. оказалась непревзойденной. Открытая им тема человека вызвала к жизни еще одну классическую работу – это «Человек в литературе Древней Руси» Д. С. Лихачева.

«Человек» вышел в свет спустя 11 лет после «Людей» Б. А. Романова, в самом конце 1958 г. Нельзя утверждать однозначно, что толчком к написанию этой книги для Д. С. Лихачева была именно книга Б. А. Романова, однако влияние ее несомненно. Однако свою задачу Д. С. видел прямо в противоположном. Если для Б. А. Романова было важным из «литературной оболочки» вызвать и показать живых людей, то Д. С. Лихачев поставил своей целью проследить динамику *изображения* человека на протяжении семи столетий. Сам Д. С. в этой противоположности видел дистанцию между историком (Романовым) и литературоведом (Лихачевым); именно «Люди и нравы» стали для Д. С. отправной точкой – чтобы отправиться в противоположном нежели Б. А. направлении: «Характер человеческий выступает в творениях древнерусского книжника в двух аспектах: либо как сам книжник хотел его представить – в его авторской “системе”, либо как мы сами можем его реконструировать по сообщаемым этим книжником фактам – прямо и косвенно. Возможности последнего аспекта не ограничены. Реконструкция эта может быть осуществлена и на основании литературных данных, и на основании документов. Не исключена возможность привлечения данных из области археологии, истории живописи или даже истории языка. Такова, например, попытка Б. А. Романова в его книге “Люди и нравы древней Руси” (Л., 1947) восстановить характеры некоторых людей XI–XIII вв. – Даниила Заточника, Владимира Мономаха, матери Феодосия Печерского и многих других, охарактеризовать круг интересов целых социальных групп древней Руси»¹².

Однако, поставив перед собой задачи литературоведческие, Д. С. Лихачев не смог сразу отойти от человеческого характера, «нрава». «Человек» открывается главой «Проблема *характера* в исторических произведениях начала XVII в.», в которой автор приводит слова Карамзина: «До сих пор (до 16 в.) я только хитрил и мудрил, выпутываясь из трудностей». (Эти слова неприменимы к книге Б. А. Романова: в ней нет хитрости и

¹¹ Панеях В. М. Творчество и судьба историка. С. 215.

¹² Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; л., 1958. С. 57.

мудрствования, ее автор – лишь внимательный читатель.) В первой главе Д. С. Лихачев пишет, что в древнерусской литературе до половины XVI в. существовала своеобразная «лестница страстей», но страсти рассматривались столь пристально, что заслоняли характер человека. И только «исторические сочинения первой половины XVII в., посвященные “Смуте”, резко отделяются от предшествующих летописей рядом особенностей и в первую очередь повышенным интересом к человеческому характеру и новым к нему отношением. Характеристики составляют отныне одну из главных целей исторического повествования, они не только увеличиваются количественно, но и изменяются качественно»¹³. XVII век, его литература позволили не реконструировать характер человека, а извлечь его из литературного произведения, где зачастую теперь он представлял во всей своей сложности и противоречивости. Таковы, по Лихачеву, литературные портреты Бориса Годунова, патриарха Гермогена, Ивана Заруцкого, Козмы Минина...

До XVII в. изображение человека в литературе подчинялось смене эпохальных стилей, среди которых в книге выделяются стиль монументального историзма (XI–XIII века), эпический стиль в литературе (XI–XIII века), экспрессивно-эмоциональный стиль (конец XIV–XV века), стиль психологического умиротворения (XV век), идеализирующий биографизм XVI в. Так, в соответствии с литературным канонем, князь в летописи изображался в «монументальной величии», перечислялись его достоинства и добродетели: могуч, независим, красив лицом, храбр, искусен в ратном деле, мужествен, врагов сокрушитель, хранитель государства. Житийная литература, напротив, прославляет подвижничество, подвиг служения отечеству, святость и «светлость» жизни русских святых. Литературные жанры литературы до XVII в., по Лихачеву, несут определенную функциональную нагрузку, которая определяет и принцип изображения человека. Поэтому он будет отличаться в летописи (историческом документе) и житии (элементе богослужения). Литературные стили эпохи так же неустойчивы, говоря о них, Д. С. Лихачев имеет в виду общую тенденцию, но делает оговорки относительно возможных исключений. И только беллетристика свободна от функциональной нагрузки, представляя собой литературу для чтения «в свободное время». Именно в ней в полной мере проявился и характер человеческой личности; взаимодействие литературных жанров привнесло человеческие характеристики и в другие произведения литературы XVII в., особое место занимает в ней Житие протопопа Аввакума. В это же время появляется и вымысел в литературе, вымышленные герои.

Говоря о смене стилей в литературе, Д. С. Лихачев постоянно обращается и к изобразительному искусству, находя там зримое подтверждение своим филологическим наблюдениям.

Сравнивать две книги трудно, это невозможно, поскольку, будучи классическими образцами исторического и филологического исследования, по сути своей они противоположны. Если «Люди и нравы» – путешествие в глубь веков, куда погружаешься и перед тобой оживают люди и бытовые сцены, то «Человек» – объективный взгляд на процесс, будь он литературным или историческим, какой возможен только с большого расстояния.

¹³ Там же. С. 12.